

Неделя -
19-25 июня
№ 25 (1525). 1989 г.

СЕРЬЕЗНЫЕ РАЗДУМЬЯ О «ЛЕГКОМ ЖАНРЕ»

19

НАША эстрада — суррогат праздника. Мы гордимся стремлением никому не подражать и изобретаем велосипеды, которыми кичимся друг перед другом, так как больше никому они не интересны.

Эстрада — это вечернее платье, которое держится на булавках. Одно движение в недозвоненную сторону, один более смелый жест — и все распадается. При этом булавки топорщатся и колют обладателя неудобного, непрочного одеяния.

Я зритель. И мне безразлично, кто — с кем, кто за и против кого в закулисной жизни эстрады. Темы замочных скважин — для застольных «светских» бесед и скамеечных посиделок. В зрительный зал я прихожу за результатом. Вынь да положь мне хорошее настроение в соответствии с установкой: «Главная задача эстрады — создавать хорошее настроение». Но... Я любознательный зритель. И потому задумалась над парадоксом. Сейчас наблюдается очередная вспышка интереса журналистов к проблемам эстрады. Певцам предоставляют возможность публично сетовать по поводу маленьких ставок, плохой аппаратуры, необходимости жить в Москве, но работать от провинциальных филармоний, так как те не навязывают своих условий, а соглашаются на условия артиста, и т. д. То есть почти все закулисные разговоры вынесены на публику, от которой, естественно, ситуация на эстраде не изменится. Тем более становится грустно. Если эстрадные исполнители (речь идет о солистах традиционной эстрады) обязаны обеспечивать меня хорошим настроением, то оно должно быть хорошим у самих артистов. Иначе — не нуждаюсь я в их фальшивом бодрячестве, наигранном оптимизме. Хватит своего. А какой может быть оптимизм в состоянии кризиса?!

Мне интересно, кто обеспечивает эстраду хорошим настроением? И связанный с этим другой вопрос, на который не ответил одноименный музыкальный фильм «Как стать звездой?», когда критерием оценки являются не деловые качества-способности, а личные симпатии-антипатии. Я обратилась к певице, которая имела данные, чтобы стать суперзвездой...

Ирина ПОНАРОВСКАЯ: Какая сейчас ситуация на эстраде? Изюм всех сил зарабатываем, пока есть возможности обеспечить себя на будущее. А что остается делать? Мне премьера сольной программы «Все сначала» в концертном зале «Россия» летом этого года стоила 3.500 рублей, из них 1.200 — на икебану для украшения сцены. Не зал оплачивал, а я! А получила за шесть концертов — по 25 за концерт — 150 рублей. Мадонна тоже вкладывает в концерт, допустим, 10.000 долларов, но она получает с него «миллион». Если я за один концерт как-то получила 2.500, то это был стадион на 40 тысяч зрителей. И я не знаю, куда мне спрятаться с этими деньгами, чтобы не услышать снова: дескать, богатая будешь... (Из беседы 1988 г.).

МЕНЯ ПОРАЖАЕТ, ради чего эстрадные исполнители терпят неустроенный быт, бесконечные поездки (чаще отнюдь не зарубежные), унижения по работе, критику музыковедов, раздражение зрителей? Ради славы? Ради поклонников? Как и все другие профессии, эта тоже должна иметь под собой почву. Существование певца на сцене не может быть нужным только ему! Эстраду надо поднять до уровня государственного дела. Если нет возможности обеспечить всех исполнителей качественной аппаратурой, наделить хорошими ставками, то и не надо ВСЕХ. Только лучших, талантливых, кто окупит сполна все капиталовложения.

Это же не благотворительное мероприятие, не так, чтобы дать безвозмездно за красивые глаза и хороший голос. Эстрадные исполнители не бесребреники, которым доставляет удовольствие уже сама их причастность к легкому жанру. Из сочетания «легкий жанр» вовсе не следует — легкая работа.

Вот и пусть легкий жанр приносит доходы стране, как любое другое производство. И не одни лишь доходы. Певец, представляющий страну за рубежом, поднимает ее престиж. Если представляет достойно — легкая работа.

Но, присмотреться, где сейчас взять достойных? На Западе многие эстрадные исполнители начинали свою карьеру за спиной звезды — подпевали, стоя сзади, в тени, среди инструментов. Потом, спустя время, сами шагали к микрофону и начинали петь. Достойных, перспективных замечали — умелые люди брались за дело, и рождались звезды. Наши исполнители из-за спины выходят, к микрофону пододвигают, но на этом все обрывается. Потому что нет традиции братья за дело — лепить звезд. У нас другой термин в ходу: полпред советской песни. Это для самых-самых... Остальные довольствуются титулом «популярные», зачастую отличаясь друг от друга лишь уровнем везе-

ния. А зависит везение от нужных людей. Слышала такую легенду. Популярная певица отвергла притязания высокого чина, предпочтя ему другого. За что и выслана была с приговором: не работать, мол, ей ни в одном столичном городе, а тем более в Москве. Вынуждена была скитаться по провинциальным филармониям, где охотно соглашались приютить: как же — звезда для провинции!

И. ПОНАРОВСКАЯ: Я верю в эту легенду. В моей жизни тоже был такой случай, когда мне предлагали ответить взаимностью, благодаря чему я могла бы находиться в «высшем обществе». Но, отказавшись, моментально перестала быть даже на подступах к «верхушке». Так что легенда очень правдоподобна. Вообще издавна повелось, не знаю почему, считать женщин-артисток особами легкого

песня «Я больше не хочу», по отзывам телезрителей, вошла в число лауреатов года. И я участвовала в заключительном концерте. А так... существует категория исполнителей, без которых уже невозможно обойтись — нарушители традиции, публика не поймет, поклонники забросают телевидение письмами. Таким исполнителям, чтобы выйти на экран, ничего не надо предпринимать. Слава работает на них. Потому зрители и видят одни и те же лица, но они довольны, они других не знают, выбирать не из кого, сравнивать не с кем. (Из беседы 1988 г.).

Наши шоу (на концертных площадках, да и на телевидении) — это «сборная солянка», где с артистами поступают, как с театральными билетами: один — основной и желанный, а другой — в нагрузку. И вся программа — как длинная очередь.

МОНОЛОГИ
ЭСТРАДНОЙ
ПЕВИЦЫ
С КОММЕНТА-
РИЯМИ
ЖУРНАЛИСТА

Фото
А. Агеева.

поведения. Поэтому считается (особенно в среде тех, от кого мы зависим), что нам можно предлагать все... (Из беседы 1985 года).

ПЕВЕЦ в вечной позе просителя. Не он выбирает (тем более начинающий), а его выбирают. Композитор и поэт, как милость, дают эстраднему артисту песню. И тому важно уцепиться, заинтересовать благодетеля собой. Недаром ему советуют: найди своего композитора, поэта.

И. ПОНАРОВСКАЯ: Композитор или поэт не будут пробовать певца. Они могут помочь выйти на большую сцену, заботясь прежде всего о себе. Тут взаимная удача бывает. Например, Лайма Вайкуле для Паулса — своеобразная визитная карточка. Он с ее помощью напоминает о себе. Она — как посредник между ним и публикой. Чем привлекательнее посредник, тем точнее попадание, значительнее успех композитора. (Из беседы 1987 года).

Когда-то меценаты бенефисы устраивали. Теперь телесъемку или сольный концерт в престижном зале. Знаю историю о песне, ставшей лауреатом ежегодного песенного телефестиваля, о том, как ее перекупили. На заключительном концерте исполняла не та певица, которая вывела песню в люди, а совсем посторонняя, которая за энную сумму редактору передала вошла в число лауреатов года с чужой удачей, ничуть ее не обогатив. (Не хочется называть фамилии, тем более что одного из участников истории уже нет в живых). Первая исполнительница песни тоже участвовала в концерте. У нее в году оказалось две заметные работы, поэтому, видимо, и решили, что надо ей «поделиться» — не обеднеет.

А как «вынимают» песню прямо изо рта, когда певец поссорится с композитором или поэтом и тот решит, что не достоин ты его шедевра. И глядь, на экране уже другой во всю мощь легких раздувает не ставший твоим шлягер. Кулисы... кулисы...

И. ПОНАРОВСКАЯ: На телевидении нужны личные контакты, дружба. Меня приглашают и снимают люди, с которыми у меня хорошие отношения. Недавний пример: один редактор «Песни-88» меня позвал, а другие и не вспомнили бы. Но

кажется, что исполнители выстроились в закулисный коридор и ждут, когда предшественник получит свою порцию аплодисментов, чтобы выскочить следом и урвать и собственный паек. Нет даже намека на сюжет, на какое-то специфическое освещение светом, цветом, декорациями, костюмами. Каждый выходит в своем и со своим. Артистов можно менять местами, убирать вовсе, приглашать на их место других. После нескольких просмотров подобных представлений нетрудно вычислить схему, по которой обычно это делается: песня, танец, речь и... все сначала — песня, танец, речь. Как в меню: первое, второе, десерт... Кажется, что не концерт подстраивают к празднику, а праздник придумывают, чтоб состряпать подобную солянку и занять и тех артистов, которых занимают все, и тех, кого крайне редко тревожат. Может, стоит разбраться с нагрузкой. Когда в театре спектакль не пользуется успехом, значит, либо негодны артисты, либо плоха пьеса, либо бездарен режиссер. И надо, наверно, или учить, или избавляться.

Нашей эстраде не хватает не только красоты в смысле зрелищности, но и элегантности. Шокирующая простота, утвержденная стилем исполнения А. Пугачевой, для нее была органична, но других — последовательности — успех этой простоты провоцирует на сознательное стирание с себя даже налета интеллигентности, культуры поведения на сцене. Но то, что естественно для имиджа одного исполнителя, — для других вторично, скопировано, кажется уже пошлостью, вульгарностью, неумением. Ощущение, что эстрада сейчас просто кишит неуменьями. Они расплодись благодаря попустительству со стороны специалистов (которые все-таки где-то есть, ведь случаются же иногда яркие вспышки: то интересная программа, то любопытный образ, то просто песня оригинально оформлена или небанально снята на ТВ). И попустительству управленцев культуры, которые по должности должны бы править балом, иначе зачем они вообще? Раньше мне казалось: поставь перед тем или иным певцом зеркало — он испугается, опомнится, работать начнет над собой. С кем не бы-

вает — можно так о себе задуматься, что утратить самокритичный взгляд на себя. Теперь я уверена: не поможет зеркало! Наоборот, стимулирует самолюбование. Необходимость и вынужденность самовоспитания в данной среде рождает самоуверенность. Это естественно. Это грустно.

Эстрада не удел одиночек, хотя пока это именно так.

И. ПОНАРОВСКАЯ: У нас никто для эстрады не готовит. Есть эстрадные режиссеры, но толку от них! Разве что правильные концерты могут ставить. Фантазии хватает только на фейерверк, бегущую рекламу, цветомузыку, лошадей в Олимпийском комплексе. Это же старо и убого! Я попыталась сделать сольную программу яркой, костюмированной, но какой кровью! Нужны люди, своя команда — профессионалы, благодаря которым у меня голова не будет болеть о том, что меня не касаются, не должно касаться. Если нет этого прочного тыла — нет певца. Мне повезло. И с режиссером Марком Розовским: несмотря на занятость, он очень помог мне, придумав начало и финал программы, самые важные места, подсказав еще ряд моментов. И с балетмейстером Владасом Каткявичусом, и с художником Аллой Коженковой. (Из беседы 1988 г.).

Надо, чтобы организации, от которых работают артисты, следили за уровнем культуры, чтобы посылали в обязательном порядке на какие-то курсы, где бы люди изучали ноты, учились ходить. Ведь смотреть грустно на певцов, которые вроде бы и не без способностей, но до чего беспомощны. Они ориентируются на вкусы невысказанных зрителей, которых, к сожалению, немало и которые создают атмосферу в зале, аплодируют. И исполнитель заявляет: «Как умею, так и хожу, что хочу, то и надеваю» — публике нравятся». Эстрада превращается в попойку. Какая-то самопальщина воцаряется.

У нас не принято вкладывать деньги в эстраду. Каждый, пробившийся на сцену, сделал это сам. У нас нет категории людей, которые бы в этом помогли артистам. Молодому нужен наставник, педагог, которому есть что передать. А кто у нас поделится тем, что умеет делать?

И. ПОНАРОВСКАЯ: В кругу друзей я как-то сказала, что готова взяться за подготовку способных молодых певцов. Мне ответили: «Ты сошла с ума! Работай на себя, пока можешь». Тем не менее хочу начать преподавать. Но сложность в том, что у нас человек, который уже что-то имеет — голос, внешность, — имеет и свой пафос, вот в чем ужас. И когда я говорю воспитаннице: ты должна слушаться меня беспрекословно, делать все, что я тебе скажу, вести тот образ жизни, который я тебе навязываю, потому что только тогда ты станешь тем, кем я хочу тебя сделать, — я не уверена в искренности ответа, когда, опустив глаза, она отвечает: да, конечно, конечно. Потому что у нас нет культуры послушания. Абсолютно ничье воспитание. А ведь актерская жизнь начинается с того, как человек утром открывает глаза. Все имеет значение.

Я готова за свои деньги нанять парикмахеров, дизайнеров, которые будут искать имидж для исполнителя. Но человек ко мне приходит и заявляет: «Я люблю петь шлягеры!» Пой! Иди! Но только своим путем. У нас нет двусторонней культуры: с одной стороны — передачи знаний, с другой — культуры приема.

Пока я чувствую сегодняшний день, мне хочется кого-то чему-то научить. Чтобы можно было с гордостью сказать: вот мое «дитя»! И, кроме того, нужно думать о своем будущем. Сколько мне еще работать? Ведь это же очень тяжело, очень. Сегодня у меня голос есть, завтра — нет. Насколько его хватит — неизвестно. Устала, сил нет. А мне говорят: много зарабатываю. Да как не стыдно! Но даже если бы я действительно заработала 200 или 300 тысяч, почему я не могу иметь таких денег? Я же на дело их потрачу, с собой в могилу не унесу, все равно все государству достанется. Почему горстка настоящих артистов не вправе получать большие деньги? Каждый день живешь на стрессах, на лишениях. А нас убеждают, что жизнь наша — сплошная сказка. А как здоровье горишь в этой сказке!.. Вот поэтому я хочу создать свою студию, чтобы, может быть, через пятьдесят лет после моей смерти кто-то сказал: «Я учился у Понаровской». Хочется оставить след, память о себе. Ради чего-то ведь прошли эти годы на эстраде... (Из беседы 1989 г.).

Чем должны питаться те, кто обеспечивает нас, зрителей, духовной пищей?

У нас не принято вкладывать деньги в искусство. У нас не принято серьезно относиться к тому, что не требует денег. Мы давно уже относимся к искусству, в частности к эстраде, несерьезно. С тех пор, как перестали вкладывать деньги. С тех пор искусство переживает кризис. И мы теряем. Теряем невосполнимо...

Алла ПЕРЕВАЛОВА.